

4. Karabushhenko P.L. Geopoliticheskie osobennosti Kaspijskogo regiona i sovremennoe sostojanie mirovyh politicheskikh «jelit» // *Sovremennaja nauchnaja mysl'*. 2014. № 5. – S. 141–152.
5. Julija Harlamova. Severokavkazskij i Kaspijskij regiony v orbite geotransportnyh interesov Rossii. http://cont.ws/post/92725?_utl_t=fb. 9 ijunja 2015 g. (data obrashhenija 02.06.2015 g.)
6. Timofeev I.N. Mirovoj porjadok ili mirovaja anarhija? Vzglyad na sovremennuju sistemu mezhdunarodnyh otnoshenij: rabochaja tetr. № 18/2014 / [I. N. Timofeev]; [gl. red. I. S. Ivanov]; Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M.: Spec kniga, 2014.
7. Karabushhenko P.L. Jelity i jetnokonflikty v geopoliticheskom prostranstve «Velikogo kaspijskogo regiona» // *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. №3 (20). 2009. – S. 17–22.
8. Heslin S. The New Pipeline Politics // *The New York Times*. – NY, 1997. – November 10.
9. Zhil'cov S.S. Kaspijskij region na perekrestke geopoliticheskikh strategij // *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2014. №1. Tom 17. – S. 37–50.
10. Kak delit' Kaspijskoe more// http://polit.ru/article/2014/09/30/kasp_sea/ (data obrashhenija 02.06.2015 g.)
11. Zvjagel'skaja I. V poiskah točki opory: Iran v Central'noj Azii» nojabr' 2014g. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4757#top (data obrashhenija 02.06.2015 g.)
12. Sergej Shakarjanc. Iran i shiity gotovjat «bol'shoj sjurpriz» IS i ego opekunam. <http://regnum.ru/news/economy/1932073.html>. 9 ijunja 2015 g. (data obrashhenija 02.06.2015 g.)
13. Morgentau G. Politicheskie otnoshenija mezhdru nacijami: bor'ba za vlast' i mir // *Teorija mezhdunarodnyh otnoshenij: Hrestomatija / Sost., nauch. red. i komment. P.A. Cygankova. M.: Gardariki, 2002. S. 72–88.*

УДК 32

ИНТЕГРИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМУ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Шевченко доктор политических наук, профессор,
Алевтина Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Владимировна при Президенте Российской Федерации
(119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82).
E-mail: ashevchenko@ranepa.ru

Титов доктор педагогических наук, профессор,
Валерий Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Борисович при Президенте Российской Федерации
(119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: titotin@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены методологические подходы к определению межуровневых интеграционных процессов обеспечения национальной безопасности на федеральном, региональном и местном уровнях. Предложен генеалогический метод исследования целостности больших и средних реальных социальных общностей, разработана модель динамики рода в виде социального резонатора для определения качественных признаков и свойств населения как субъекта создания структуры местной безопасности.

Ключевые слова: *социальная общность, региональная безопасность, местная безопасность, муниципальная безопасность, муниципальное правосистемная интеграция, социальная динамика, социальный резонатор, метод плейд, род Пржевальских.*

Особенность современных проблем обеспечения национальной безопасности – связность глобальных социально-психологических процессов смен типов мироустройства в масштабах совокупности стран, исторически связанных глубокими общими корнями. Эта особенность определяется сущностью социальных общностей, обладающих внутренней духовной солидарностью людей, объединенных различными признаками национальной, политической, идеологической, родовой, этнической, земляческой и другими видами принадлежности [1, с. 263]. Характер этих отношений определяет дух времени, атмосферу эпохи, выраженную предельным напряжением социальных, экономических, политических и иных связей, угрожающим их разрывами и разрушением целостности общемировой системы.

Исследуя развитие «глобального государства» (глобальной политической системы), Дж. Модельски доказал, что оно происходит в форме долгих циклов, которые имеют одинаковую протяженность во времени и пространстве с развитием непосредственно глобальной системы, образованной сложной комбинацией взаимодействия в различных сферах и на разных пространственно-временных уровнях [2].

Такую же пространственно-временную структуру имеет генеалогия родов [3, с. 125]. Род определяется как совокупность людей (индивидов), обладающих общими генотипическими признаками (имеющих общего предка). Род ведет себя как колебательная система с выраженными резонансными свойствами жизненного пространства, т.е. как социальный резонатор. Характеризуя этот признак, Ф. Ратцель отмечал: если народ чувствует себя на территории проживания естественно, то он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые происходят «из почвы» и будут органичны и гармоничны с ней [4]. Тезис важен не только для геополитических, военно-политических, торгово-экономических исследований, но и для изучения морфологии и структуры общностей, составляющих единый народ, населяющий определенные территории независимо от политических и административных границ.

Ретроспектива изучения рода как единого организма, функционирующего на определенной территории, ведется как минимум по двум направлениям: а) исследование эмоционального резонанса, запускающего синхронные психофизиологические реакции между членами рода; б) использование квазипространственных метафор, основанное на трактовке социального изменения как движения в некотором условном пространстве качественно-количественных характеристик и состояний [5]. В рамках концепции Н.С.Розова жизненное пространство рода представлено как элемент биотехносферы, который тесно взаимодействует с элементами социосферы, культуросферы и психосферы. Эмоциональные и пространственно-временные резонансные эффекты выявлены нами при исследовании 500-летней (с 1515 г. по 2015 г.) истории военно-служилого рода Пржевальских, жизненное пространство которого простиралось по территории Малой, Белой и Великой Руси [6]. Они проявляются во всех четырех сферах жизнедеятельности рода: в социосфере – демографические, экономические, хозяйственно-экономические; в психосфере – мотивационно-ценностные, поведенческие стереотипные; культуросфере – духовно-культурные, языковые; в биотехносфере – геополитические, военно-стратегические.

Регулирование процессов и состояний резонатора, вызванных внешними импульсами (например, по отношению к военно-служилому роду Пржевальских – агрессивными посягательствами на их жизненное пространство), осуществляется посредством гармонизации резонансных эффектов, т.е. модулируются потребные свойства коллективной психосферы, которая не является продуктом психики отдельного индивида, но именно единства членов рода. Таким образом создается механизм социально-психологической интеграции общности.

К активным социально-психологическим факторам, которые нацелены на устранение помех на пути интеграции, осуществление целей развития общности, Б.Д. Парыгин относит такие явления как: сила стихийного движения масс с эмоциональной направленностью их энергии против всего, что воспринимается в качестве носителя социального зла и противоречит их устремлениям; лидерство, выражающее высокий энергетический потенциал личности, способной организовать, объединить и направлять активность других людей на достижение цели, соответствующей их ожиданиям с учетом складывающейся ситуации [1, с. 268]. Механизмы консервативных способов интеграции общности представляют собой внутренние и внешние социально-психологические барьеры, цель которых – охранять и защищать общность от разрушения, сохраняя целостность, стабильность и уникальность ее духовно-психологического менталитета [1, с. 269].

Использование модели социального резонатора позволяет дополнить положения классической социологии о независимости психологических свойств общности от наблюдаемости признаков и свойств социальных общностей, по-новому раскрыть содержание категории «народ», в частности обосновать утверждение о том, что *действительное состояние конкретного народа определяется структурой не отдельного рода (тейпа, клана и т.п.), а только гомеостатическим сочетанием и синергией пространственно-временных смыслоценностных и эмоциональных структур.*

Этот феномен формирует в определенной политической пространственной системе качественно иную социальную динамику при смене экономических формаций или в эпоху политических перемен.

Для анализа состояний социальных общностей привлекаются семиосоциопсихологические методы (Т.М. Дридзе), психофизиологический метод системоквантов деятельности (К.В. Судаков) с использованием метода балансных систем [7], а также метода корреляционных плеяд, эффективного при решении задач нахождения таких групп признаков (плеяд), у которых сумма модулей коэффициентов корреляции между параметрами одной группы (внутриплеядная корреляционная связь) достаточно велика, а связь между параметрами из других групп (межплеядная) – мала. В частности установлено, что *чем выше уровень вертикальной интеграции систем обеспечения национальной безопасности (между общностями федерального, регионального и местного масштаба), тем административные связи сильнее, а морально-психологические слабее.*

Межуровневые промежутки связей социальных общностей представляют сферы политической неустойчивости, что чревато угрозами целостности общественной и политической системы страны. *Для повышения степени устойчивости необходимо установить и поддерживать баланс суммы коэффициентов внутриплеядной и межплеядной корреляции, т.е. использовать циклические эффекты социального резонанса.*

Апробированная авторами методология применима для исследования проблем интеграции процессов обеспечения муниципальной безопасности в систему реализации региональной и национальной безопасности Российской Федерации.

Обращение к качественным методам анализа межуровневых интеграционных процессов обеспечения национальной безопасности актуализировано недостаточным вниманием к этой стороне проблемы местной безопасности как слабо формализованной сфере, представляющей известные трудности для государственного управления посредством законов и других нормативных актов. Не удивительно, что в научной литературе по местной и муниципальной безопасности преобладают источники, в которых сущность социальной общности – наличие общих интересов и ценностей, совместная деятельность и т.д. – выхолощены, а сами общности имеют вид статистических совокупностей или, в лучшем случае, социально-территориальных образований.

Но, как известно, реальная общность (народ, население), территориально-публичное учреждение власти (государство, государственно-территориальное образование, муниципалитет) и исполнители публичной воли общностей (органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица) как носители публичной власти имеют разную сущностную и содержательную характеристику статуса обеспечения безопасности. В частности, такой элемент статуса, как территория, присущ лишь территориально-публичным учреждениям власти. В свою очередь, общности в отличие от органов власти являются первичными носителями публичной власти и обладают особыми исключительными полномочиями, реализуемыми в коллективных формах непосредственной демократии [8]. Эти условия определяют самую суть местной или муниципальной безопасности, различие которой важно при определении субъектов обеспечения безопасности, их полномочий и ответственности. Так, из содержания конституционно-правового статуса населения, отражающего гарантии защиты интересов населения, одновременно выступающих гарантиями местного самоуправления в целом, а также ответственность населения за осуществление местного самоуправления вытекает правило обеспечения коллективного и индивидуального права возможностью его осуществления, а любое препятствие должно рассматриваться как угроза [9].

В определении субъектов обеспечения местной/муниципальной безопасности вопрос об объеме полномочий и ответственности в достижении приемлемого и допустимого уровня угроз рассматривается сквозь призму принципов основной и субсидиарной ответственности. Теоретически суть противоречия определяется разницей двух подходов: континентального, основанного на административной теории местного самоуправления, предписывающей выполнение муниципалитетами только тех задач, которые переданы им государством, и гуманитарной теорией местного самоуправления с англосаксонской моделью его организации.

Из проблемного дискурса по этой теме выделим позицию А.А. Захарова, изложенную в статье «Местное самоуправление в Российской Федерации: современные тенденции политического развития и структурные дефекты законодательства». Анализируя сущностные основы федерализма с опорой на конституционное положение о первоочередности наделения полномочиями отдельных общественных формаций: индивидуума, семьи, общины, местных сообществ, муниципальных образований и др., – автор указывает, что «в соединении с принципом субсидиарности федерализм означает предпочтение в полномочиях малых единиц перед большими, т.е. малая единица (подразделение) в соответствии с этим должна иметь (и имеет) право принципиально решать свои дела. Она должна передавать более крупному объединению только те из своих задач, которые выходят за рамки ее собственных возможностей или представляют общий интерес для всех групп» [8].

Проведя логические операции сравнения сущностных характеристик понятий «децентрализация» и «нецентрализация», автор приходит к выводу о том, что федерализм и местное самоуправление – однопорядковые институты, определяемые понятием «нецентрализация», в отличие от понятия «децентрализация», и поясняет разницу: при децентрализации государство передает властные функции независимым субъектам публичной власти в объеме, определяемом им самим, контролирует их осуществление, задает параметры и порядок реализации; при «нецентрализации» действует обратный принцип: государство принимает на себя властные функции от нижестоящего субъекта публичной власти: автономии, местного самоуправления и т.д., в соответствии с принципом субсидиарности законодатель нуждается в легитимации каждой позиции, от которой отказывается общественное образование.

Таким образом, местное самоуправление сочетает в себе признаки как децентрализованного государственного управления, так и «нецентрализованного», т.е. института гражданского общества, где центральным звеном является наличие либо отсутствие конституционного права местного сообщества на самоуправление, а также степень автономии местного сообщества в реализации данного права.

В Российской Федерации индивидуальные конституционные права граждан являются признаком «нецентрализации», закрепленной в гуманитарной теории понимания правовой природы местного самоуправления, следовательно, местное самоуправление должно осуществляться, а население не вправе отказаться от своего конституционного коллективного права на осуществление местного самоуправления [8].

Однако практика правоприменения показывает, что «федеральный законодатель отказывается от принципа «нецентрализации» – оставления значительной части публичных полномочий в исключительном ведении местных сообществ. Это означает, по мнению ученого, что автономия местного сообщества в реализации конституционного права на самоуправление становится все более формальной.

Этот вывод следует рассматривать как оценку исходного определения субъектов обеспечения национальной безопасности на местном уровне. При этом первоочередное значение имеет вопрос истинного смысла и значения понятия «субъектность». Учитывая многообразие его трактовок в различных науках, обратимся к содержанию, заключенному в понятии «стратегический субъект», предложенному В.Е. Лепским в качестве обобщенной модели «различных типов субъектов (личность, группа, организация, этнос, государство и др.) для решения современных проблем обеспечения безопасности и устойчивого развития мирового сообщества» [10, с. 5-23].

Стратегический субъект понимается как идеальный образец общественных отношений, стремление к реальному воплощению которых должно отражаться как в международном праве, так и в Конституции России. После разрушения социальной общности, сформированной в федерации Советского Союза, произошел разрыв связей не только между обществом и индивидуумами, но и между индивидом, обществом и государством. Одновременно, под воздействием внутренних и внешних угроз, разрушалась субъектность всех элементов, образующих структуру общности. Утраченное государством свойство субъектности отразилось и на его способности формирования новых общественных связей правовыми методами: процесс законотворчества в области муниципального права и местного самоуправления страдает отмеченной однобокостью. Но вновь, как отмечают исследователи, «складывающийся перекосяк в сторону усиления субъектности государства по сравнению с другими элементами общества таит в себе скрытые источники угроз для развития России» [10, с.18]. Дисбаланс уси-

ливается неправомерной претензией на позиции стратегического субъекта бизнес-элит, политических и религиозных организаций, иных типов субъектов. При этом большая часть населения воспринимает себя не как субъект, а как объект по отношению к обществу и государству.

С правовой точки зрения ситуацию следует нормализовывать, прежде всего уточнив правовой статус населения как субъекта местного самоуправления и публичной власти. А.А. Захаров уточняет, что в отличие от муниципально-правового статуса конституционно-правовой статус населения формируется из базовых элементов правового статуса населения как субъекта местного самоуправления в Российской Федерации.

В целях обеспечения принципа субсидиарности и реальности реализации конституционного права местного сообщества на самоуправление А.А. Захаров предлагает закрепить в федеральном законодательстве ряд положений, в том числе определить и расширить компетенцию муниципальных образований «не за счет передачи им отдельных государственных полномочий, а путем наделения органов местного самоуправления соответствующими правами для решения вопросов местного значения» [8].

Гуманитарный аспект разрешения проблемы становления стратегических субъектов предполагает восстановление позиции человека как субъекта жизни, постоянную поддержку процессов государственной, родственной, этической, самоидентификации граждан, а также пресечение коррупции, включение среднего класса и позитивно консолидированной элиты в реальные механизмы управления и развития; активность политических партий и общественных движений на восходящей траектории укрепления целостности России.

Одной из центральных в современной концепции безопасности следует признать проблему ответственности населения как источника и активного участника в осуществлении местной власти (в том числе в сфере безопасности). Нам уже приходилось поднимать ее в ряде публикаций о принципе субсидиарности в обеспечении баланса интересов субъектов национальной безопасности, а также при выполнении научно-исследовательских работ на факультете национальной безопасности РАНХиГС по темам: «Система, механизмы и технологии стратегического управления в сфере национальной безопасности» и «Разработка типовой модели оценки региональной безопасности субъекта Российской Федерации» [11].

Полученные результаты могут быть дополнены и развиты за счет включения в сферу определения угроз местной и муниципальной безопасности аспекта меры ответственности. Так, Ю.О. Фроленков, подчеркивая, что меры ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления выступают гарантиями конституционно-правового статуса населения как субъекта права на местное самоуправление, совершенно справедливо предупреждает от ошибки отождествления понятий «ответственность населения» и «ответственность перед населением» [9].

Российский принцип ответственности имеет важное отличие от принципа, зафиксированного в Европейской хартии местного самоуправления. Последний закрепляет ответственность «именно органов местного самоуправления, в то время как в Российской Федерации существует понятие «ответственность самого населения». Речь идет о возможных неблагоприятных последствиях неправильного проявления своей воли и (или) ненадлежащего осуществления необходимых действий» [9]. Это может быть связано, в частности, с ошибочным выбором должностных лиц для осуществления местного самоуправления, неверной расстановкой приоритетов работы, пассивностью населения в использовании форм непосредственной демократии либо недостаточной активностью в защите собственных интересов.

В целом же уровень готовности любой общности к сохранению устойчивой стабильности, ее способность к динамическому развитию определяется зрелостью самосознания и глубиной осознания опасности разрушения структуры. При этом условии создается базис интегрирования процессов обеспечения местной безопасности в систему региональной и национальной безопасности страны. Суть вертикального управления (государством, обладающим статусом стратегического субъекта) – в достижении баланса изменчивости и устойчивости состояний реальной общности в объеме целостности социальной и политической систем, обусловленного исторической традицией как механизмом фрактальной связи всех уровней безопасности.

Литература

1. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. СПб.: СПбГУП, 2003. 615 с.

2. *Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики // ПОЛИС. 2005. № 3. С. 62–82.
3. *Шевченко А.В., Титов В.Б.* Пространственно-временная динамика рода как социального резонатора / Социофизика и социодинамика. Материалы Первой российской конференции. МГУ им. М.В. Ломоносова, 8-11 июня 2015 г. М.: МГУ, 2015.
4. *Ратцель Ф.* Политическая география. СПб., 1903.
5. *Розов Н.С.* Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. 215 с.
6. *Титов В.Б.* Военно-служилые люди Пржевальские. М.: Изд-во «Граница», 2012. 192 с.
7. *Титов В.Б.* Педагогико-эргономическая парадигма профессионального становления военных педагогических кадров. М.: ВА РВСН, 2001.
8. *Захаров А.А.* Местное самоуправление в Российской Федерации: современные тенденции политического развития и структурные дефекты законодательства // Публично-правовые исследования (электронный журнал). 2012. № 1. С. 1–24.
9. *Фроленков Ю.О.* Конституционно-правовой статус населения как субъекта местного самоуправления: понятие и основное содержание // Административное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 20–29.
10. *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2. №1. 2002. С. 5–23.
11. *Шевченко А.В.* Оценка деятельности органов управления субъектов Федерации в сфере региональной безопасности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2015. № 2 (199). Выпуск 31. С.154–157.

Shevchenko Alevtina Vladimirovna, Doctor of Political Science, professor; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: ashevchenko@ranepa.ru

Titov Valery Borisovich, Doctor of Pedagogical Science, professor (82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: titotin@yandex.ru

LOCAL SECURITY PROCESSES INTEGRATION IN THE REGIONAL AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Abstract

The article is concerned with the methodological approaches to the determination of inter-level integration processes of national security at the federal, regional and local levels. Genealogical method is proposed for the study of large and medium-integrity real social communities, the dynamic model of the gens as a social resonator for determining the quality characteristics and properties of the population as the subject of the local security structure creation is developed.

Keywords: *social community, regional security, local security, municipal security, municipal law-system integration, social dynamics, social resonator Pleiades method, Przhevalsky gens.*

References

1. Parygin B.D. Social'naja psihologija. SPb.: SPbGUP, 2003. 615 s.
2. Model'ski Dzh. Jevoljucija global'noj politiki // POLIS. 2005. № 3. S. 62–82.
3. Shevchenko A.V., Titov V.B. Prostranstvenno-vremennaja dinamika roda kak social'nogo rezonatora / Sociofizika i sociodinamika. Materialy Pervoj rossijskoj konferencii. MGU im. M.V. Lomonosova, 8-11 ijunja 2015 g. M.: MGU, 2015.
4. Ratcel' F. Politicheskaja geografija. SPb., 1903.
5. Rozov N.S. Struktura civilizacii i tendencii mirovogo razvitija. Novosibirsk, 1992. 215 s.
6. Titov V.B. Voенно-sluzhilye ljudi Przheval'skie. M.: Izd-vo «Granica», 2012. 192 s.
7. Titov V.B. Pedagogiko-jergonomicheskaja paradigma professional'nogo stanovlenija voennyh pedagogicheskikh kadrov. M.: VA RVSН, 2001.
8. Zaharov A.A. Mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Federacii: sovremennye tendencii politicheskogo razvitija i strukturnye defekty zakonodatel'stva // Publichno-pravovye issledovanija (jelektronnyj zhurnal). 2012. № 1. S. 1–24.
9. Frolenkov Ju.O. Konstitucionno-pravovoj status naselenija kak sub#ekta mestnogo samoupravlenija: ponjatie i osnovnoe sodержanie // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2012. № 3. S. 20–29.
10. Lepskij V.E. Stanovlenie strategicheskikh sub#ektov: postanovka problemy // Refleksivnye processy i upravlenie. Tom 2. №1. 2002. S. 5–23.
11. Shevchenko A.V. Ocenka dejatel'nosti organov upravlenija sub#ektov Federacii v sfere regional'noj bezopasnosti // Nauchnye vedomosti BelGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Pravo». 2015. № 2 (199). Vypusk 31. S.154–157.